

С.В. Шешунова (Дубна)
Фольклор в «Красном Колесе»
А.И. Солженицына

Фольклор всегда давал Солженицыну опору для утверждения его художественной и гражданской позиции. Не случайно финал «Матренина двора» отсылает к пословице «Не стоит город без святого, село без праведника», а Нобелевская лекция кончается пословицей «Одно слово правды весь мир перетянет». Обращение к народному творчеству, в том числе творчеству языковому, - один из источников эстетической программы писателя (от рассказов и до «Словаря языкового расширения»). Чем примечательно в этом отношении «Красное Колесо»?

В эпопею есть сказочные и былинные мотивы. Так, Самсонов «похож... на богатыря из сказки, понуро-печального перед раздором: "вправо пойдешь... влево пойдешь..."¹». Прекрасный биннокль, добытый Саней в немецком блиндаже, уподобляется перу жар-птицы (1; III, 12). Воротынцев к своей Ольде по проспектам Петербурга «перенесся как ковром-самолетом» (1; Ш, 446). А сама Ольда наблюдает, как «Ленин с балкона Кшесинской засвистел Соловьем-разбойником» (1; GX, 340). Но на этого Соловья нет своего Ильи-Муромца. Еще в «Октябре Шестнадцатого» Воротынцев и Нечволодов с тревогой говорят о том, что революция фактически уже пришла. «И стоял против неё готовый рыцарь. Но - не звали его на помощь. Да и сам меч его был в землю врыт, и никакой руки не хватило бы вытащить его. А если б и вытащить - так сгнил он ост-

риём» (1; IV, 471). В заключительном эпизоде «Апреля Семнадцатого», вспоминая на том же месте этот разговор, Воротынцев думает, как прорвать круговой революционный обман: «Нужна речь - как меч» (1; X, 553). Это уже не тот меч, который «сгнил острием»; от финала, при всем его трагизме, веет бодростью и душевной свежестью. Как и Самсонов, Воротынцев ощущает себя витязем на распутье: «... на какой развилке спешить? И уложить себя - под какой камень?» (1; X, 555). Но в отличие от печального богатыря из «Августа Четырнадцатого», он полон решимости, а твёрдое противостояние злу, пусть даже безнадежное, есть утверждение добра. Поэтому в «Красном Колесе», как и в фольклорных произведениях с несчастливым концом, нет ощущения безысходности.

Центральный образ эпопеи, образ страшного огненного колеса, уходит корнями в еще более глубокую архаику. Не вызывает сомнений демоническая природа этого образа. Предметы, которые превращаются в колесо (крылья горящей мельницы, крест на косынке сестры милосердия, шелковая розочка и т.д.), кружатся необъяснимо, заведенные неведомою силой. Может быть, ярче всего аномальный характер этого движения подчеркнут в описании колеса, отскочившего от лазаретной линейки: «КОЛЕСО! - катится, озаренное пожаром! самостийное! неухватимое! всё давящее! ... И - лица маленьких, испуганных людей: почему оно катится само? почему такое большое?» (1; I, 318). Демонизм, ощутимый в подобном движении, имеет своё соответствие в осетинском (нартском) эпосе, где описано страшное, всё на своем пути сокрушающее «колесо Балсага». Это колесо посылается богом солнца Балсагом, чтобы убить героя нартского эпоса, богатыря Сослана. Оно, «охваченное пламенем, несется с неба на землю через леса и долины, обращая в пепел деревья...»². Мы не утверждаем, что Солженицын был знаком с этим сюжетом, бытовавшим недалеко от его родных мест, но параллель между лейтмотивом его эпопеи и мотивом народного эпоса представляется значимой.

Поворот колеса истории ощутимо связан с движением небесных сфер. «Все удивлялись, - размышляет один из персонажей, - что для колоссального переворота никому не пришлось приложить совсем никаких сил. Да, земных» (1; VIII, 576). В народной мифологии, в том числе славянской, образ колеса также связан с темой

небесной власти и небесного суда³. Кроме того, у многих народов Европы известен древний обряд скатывания горящих колес с горы в реку⁴, приуроченный либо к летнему солнцестоянию, либо к весеннему равноденствию (напомним, что в «Красном Колесе» наиболее роковые события происходят во время последнего). У восточных славян колесо, которое могло заменяться (как и в эпосе Солженицына) каким-либо горящим предметом домашнего обихода, символизировало в этом обряде ведьму. Смысл обряда состоял в том, чтобы уничтожить эту ведьму и тем самым обеспечить дальнейшее равновесие миропорядка⁵. Лучшие герои Солженицына также понимают, что демоническое колесо необходимо уничтожить, выбросить его из мира - не для победы какой-либо политической партии, а для возможности дальнейшего существования самой России. Однако роковые дни равноденствия проходят в бездействии, а затем уже поздно - произошла «заковка путей». Так на глубинном уровне в сюжете «Красного Колеса» просвечивает связь с календарной обрядностью.

Но преобладают в эпосе малые фольклорные жанры: загадки, прибаутки, пословицы. При этом пословицам принадлежит исключительное место. Здесь Солженицын продолжает традицию А.Н. Островского (достаточно вспомнить пословичные названия большинства его пьес) и Л.Н. Толстого, признававшего за собой страсть к сочинению рассказов «на пословицы». Из 999 глав «Красного Колеса» 80 завершаются пословицами. Значимость этих пословиц подчеркнута графически: они расположены в центре строки, набраны прописными буквами и курсивом. Кроме того, внутри глав рассыпано 35 графически невыделенных пословиц и поговорок, включенных в прямую или несобственно-прямую речь персонажей.

На наш взгляд, паремии выполняют в эпосе три художественные функции. Во-первых, они помогают созданию четкой композиционной структуры. Порой «Красному Колесу» отказывают в такой структуре: «За хаосом истории пришел хаос повествования»⁶. Такой взгляд имеет свои основания, но представляется односторонним. Главы всех четырех романов составляют продуманное целое. Не последнюю роль при этом играют малые фольклорные жанры. Загадка, загаданная Варсонофьевым во время первой беседы с Санией в 42-й главе «Августа...», разгадывается в их последней бесе-

де - в 180-й главе «Апреля...». Выясняется, что это дорога - дорога жизни, дорога Истории. В ней заключено и «самое каждодневное», и самое премудрое. Для достойного пути по ней нужны «верные, неуклончивые колёса» (1; X, 530). Тем самым загадка стягивает в единый смысловой узел главные темы эпопеи (повседневный быт людей и вырастающий из него непостижимый ход Истории), а также ее лейтмотивы - образы колеса и дороги. Эти же мотивы подчеркиваются с помощью ряда пословиц: «ЕХАЛ БЫ ДАЛЕ, ДА КОНИ-ТЕ СТАЛИ» (1. IV, 455); «ЛИХО ДО ДНА, А ТАМ ДОРОГА ОДНА» (1; VI, 386); «ЭХ, И ЧЁРТ ТЕБЯ ПОНЁС, НЕ ПОДМАЗАВШИ КОЛЁО.» (1; IV, 92); «НА КОЛЕСЕ СИДИШЬ - ПОД КОЛЕСО ГЛЯДИ» (1; IX, 579) и т. д. Тема революции материализуется в образе топора, который повторяется в шести эпитафиях к различным «узлам». Три таких эпитафия взяты из прокламаций и революционных стихотворений, а три представляют собой пословицы: «Топор своего дорубится» (1; X, 605); «Нашего горя и топоры не секут» (1; X, 681); «С топором весь свет пройдешь, да домой не воротишься» (1; X, 684).

Очевидно, что композиционная функция пословиц неотделима от их семантической роли. В ряде случаев пословица выражает авторскую оценку того персонажа, которому посвящена соответствующая глава. Например, после описания суетливого и упоенного собою Керенского следует резюме: «СУЕТЛИВ ВОРОБЕЙ, А ПИВА НЕ СВАРИТ» (1. VII, 542). Когда Чернов воображает свою будущую речь и ответы на вопросы аудитории, его самодовольство осаживается пословицей: «ИГРАЙ, ДУДКА, ПЛЯШИ, ДУРЕНЬ!» (1; X, 504). Глава о малодушии и трусости генерала Иванова кончается приговором: «БОРОДА МИНИНА, А СОВЕСТЬ ГЛИНЯНА» (1; VI, 296).

В других случаях пословицы кратко выражают суть сюжета соответствующих глав. Таков, например, финал главы об одиночестве и смерти Столыпина: «ЧЕРЕЗ КОГО МІР СВЕТ УВИДЕЛ - ТОГО И ОБИДЕЛ» (1; П, 302). При этом если по ходу действия автор как бы растворяется в своих героях и вместе с ними гадают о будущем, то пословицы открыто говорят, к чему поведут только что изображенные события. Тем самым они выполняют в повествовании роль пророчества - грозного, не услышанного персонажами.

Например, 46-я глава «Августа...», посвященная гибели армии Самсонова, кончается так же, как и 353 глава «Марта...», где описаны мысли Государя после отречения: «ЦАРЬ И НАРОД- ВСЁ В ЗЕМЛЮ ПОЙДЁТ» (1; 1,437; 1; VI, 748). Сам повтор пословицы (единственный в эпопее) говорит о её особой значимости. В первом случае она завершает описание того «разряда», в котором «предвещательно умеет явить себя несравненная небесная гроза» (1; I, 437). Во втором явлена сама эта гроза, несущая с собой гибель миллионов людей и всей исторической России. Глава, в которой социал-демократы вдруг видят перед собой реальные политические возможности, кончается пословицей: «ТЫ МНЕ ДАЙ ТОЛЬКО НА ВОЗ ЛАПКУ ПОЛОЖИТЬ, А ВСЯ-ТО Я И САМА ВSKOЧУ» (1; V, 521). В этой главе будущие хозяева России действительно впервые кладут свою «лапку» на воз государственной власти; но ничто, кроме пословицы, не предвещает, что они на этот воз вскочат.

Во-вторых, пословицы создают, по меткому выражению Ж. Нива, «первую линию обороны» против идущей на Россию революционной напасти. «Риторике вождей противостоит взвешенная мудрость народа» (6; 226). Добавим, что паремии противостоят любой экзальтации, любой утрате здравого смысла - и безрассудному ликованию обывателей в дни Февраля, и беспочвенным надеждам вполне добросовестных политиков (таких, как Шингарёв), и мнимо-православному отказу от действия в уповании на чудо. Например: «КРАСНОМУ УТРУ НЕ ВЕРЬ» (1; VII, 398); «А ТЫ ПРОВЕРЬ, ПРОЙДЁТ ЛИ В ДВЕРЬ?» (1; VIII, 26); «МОЛИТВОЙ КВАШНИ НЕ ЗАМЕСИШЬ» (1; II, 506) и т.д. Пословицы исполнены той душевной трезвости, которой так не хватает большинству персонажей эпопеи.

Кроме того, в них выговаривает себя неунывающий нрав русского народа: драматические и трагические эпизоды дополняются комическим взглядом на происходящее. Например, глава о неловком положении князя Львова во Временном правительстве и его надеждах на лучшее будущее имеет резюме: « - АКУЛЯ, ЧТО ШЬЕШЬ НЕ ОТТУЛЯ? -А Я, МАЧКА, ЕЩЁ ПОРОТЬ БУДУ!» (1; VII, 300). Метания Алины могут изображаться как нечто серьезное и даже вызывающее сочувствие, однако глава об ее уходе от Вортынцева кончается пословицей: «БИВШИСЬ С КОЗОЙ-НЕ УДОЙ»

(1; V, 422). Поскольку народная мудрость приравнивает героиню к козе, её манерность и претензии на талант пианистки получают откровенно комический смысл. Достается и самому Воротынцеву, одному из любимых героев Солженицына. Глава о неожиданных последствиях его откровенности с женой кончается словами: «*ЛАДИЛМУЖИК В ЛАДОГУ, А ПОПАЛ В ТИХВИН*» (1; IV, 238). Энергичный выпускник Академии Генерального штаба тем самым уподобляется бестолковому мужику, что придает его образу комический оттенок. В данном случае, как и во многих других, комизм добродушен. Это не средство обличения, а способ пережить нелегкое время. За народными изречениями встает в «Красном Колесе» обобщенный народный характер, родственник Василию Тёркину, также прибегавшему к пословицам и поговоркам в трудные и горькие минуты.

В-третьих, фольклорные мотивы позволяют усилить изобразительность, рельефность речевой ткани. Сухость исторических справок, переполняющих текст, обретает в них свой эстетический противовес. Характерные для народных изречений игра слов и рифма украшают речь персонажей, подчеркивают незаурядность их характеров. «Не ждет Мартын чужих полтин, стоит Мартын за свой алтын!» - говорит о себе Плужников (1; IV, 138). «Легче в пучине, чем в кручине», - думает о своей судьбе Таня Белобрагина (1; I, 347). Сыплет солдатскими прибаутками Арсений Благодарёв (1; I, 271; 1; I, 441; IV, 129). Бруякин обещает вразумить своего сбившегося с пути сына: «К лавке лицом, по заду дубцом, вот тебе и под венцом» (1; IV, 140). Эмоциональную насыщенность придают повествованию проникновенные народные песни, которые поют или слушают персонажи - рабочий Козьма Гвоздев (1; V, 57), капитан Клементьев (1; VIII, 588). Нарастающая нравственная деградация народа воплощается в замене таких песен вульгарными, а то и непристойными частушками (1; VI, 56; 1; IX, 49; 1. X, 55). Кроме того, пословицы позволяют автору создавать смелые стилистические контрасты. Солженицын пишет о каждом персонаже, включая самых рафинированных интеллигентов, их собственным языком, и перепад от такого языка к простонародному изречению, завершающему главу, производит сильный эстетический эффект.

Связь с народным творчеством веками помогала авторам создавать наиболее значительные произведения. И уникальная эпопея

Солженицына заняла своё место в этом ряду. Фольклорные мотивы образуют в ней своего рода «кристаллическую решетку», преобразующую исторический хаос в художественный космос. Они в немалой степени помогли писателю создать литературный памятник той России, которую мы потеряли.

Примечания

¹ *Солженицын А.И.* Красное Колесо: Повествование в отмеренных сроках в 4 узлах: В 10 т. - М., 1993-1997. - Т.1. - С. 432. Далее ссылки на это издание приведены в круглых скобках с указанием номера примечания, тома и страницы.

² Мифы народов мира: Энциклопедия: В 2 т. - М., 1991. - Т. 1. - С. 665.

³ См.: *Шешунова С.В.* Движение огненного колеса (А.И.Солженицын и Дж.Р.Р. Толкиен) // Логический анализ языка. Языки динамического мира / Отв. ред. Н.Д. Арутюнова, И.Б. Шатуновский. - Дубна, 1999.

⁴ *Рыбаков Б.А.* Язычество древних славян. - М., 1994. - С. 318.

⁵ *Виноградова Л.Н., Толстая С.М.* Мотив «уничтожения-проводов нечистой силы» в восточнославянском купальском обряде // Исследования в области балто-славянской духовной культуры. Погребальный обряд. - М., 1990. - С. 111-112.

⁶ *Нива Ж.* Антиэпопея «Красное Колесо» // *Нива Ж.* Возвращение в Европу: Статьи о русской литературе. - М., 1999. - С. 228. Далее ссылки на это издание приведены в круглых скобках с указанием номера примечания и страницы.